

Юнна Мориц «О жизни, о жизни – и только о ней...»

На грани выдоха и вдоха есть волна,
где жизнь от видимости освобождена,
упразднены тела и внешние черты,
и наши сути там свободно разлиты.

Там нет сосудов для скопления пустот,
и знак присутствия иной, чем здесь, и счет
не лицевой, не именной, и только ритм
там раскаляется и звездами горит.

На грани выдоха и вдоха есть волна,
где жизнь, как музыка, слышна, но не видна.
И там поэзия берет свои стихи.
И там посмертно искупаются грехи.

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

Кто так светится? Душа.
Кто ее зажег?
Детский лепет, нежный трепет,
Маковый лужок.

Кто так мечется? Душа.
Кто ее обжег?
Смерч летящий, бич свистящий,
Ледяной дружок.

Кто там со свечой? Душа.
Кто вокруг стола?
Один моряк, один рыбак
Из ее села.

Кто там на небе? Душа.
Почему не здесь?
Возвратилась к бабкам, дедкам
И рассказывает предкам
Всё как есть.

А они ей говорят: - Не беда.
Не тоскуй ты по ногам и рукам.
Ты зато теперь - душа, ты - звезда
Всем на свете морякам, рыбакам.

Строфа

Косточкой вишневой -
В мякоти заката...
Все, что стоит жизни, -
Очень облакато.

Это осень, мой друг

Запах пены морской и горячей листвы,
И цыганские взоры ворон привокзальных.
Это осень, мой друг! Это волны молвы
О вещах шерстяных и простудах банальных.

Кто зубами стучит в облаках октября,
Кастаньетами клацает у колоколен?
Это осень, мой друг! Это клюв журавля,
Это звук сотрясаемых в яблоке зерен.

Лишь бульварный фонарь в это время цветущ,
На чугунных ветвях темноту освещая.
Это осень, мой друг! Это свежая чушь
Расползается, тщательно дни сокращая.

Скоро все, что способно, покроется льдом,
Синей толщей классической твердой обложки.
Это осень, мой друг! Это мысли от том,
Как кормить стариков и младенцев из ложки,

Как дрожать одному надо всеми людьми,
Словно ивовый лист, или кто его знает ...
Это осень, мой друг! Это слезы любви
Ко всему, что без этой любви умирает.

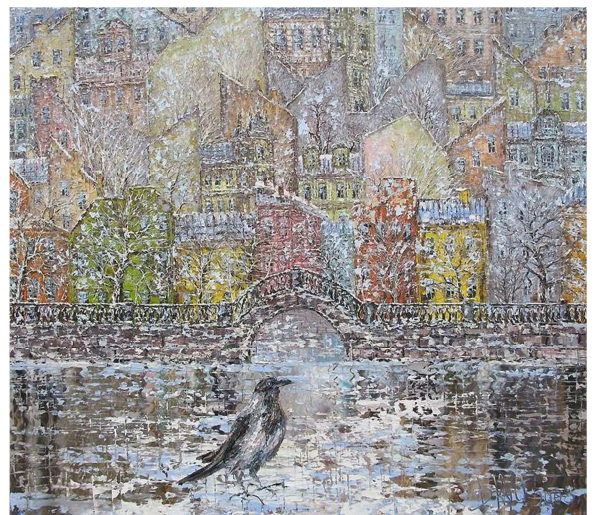
ВОРОНА

К нам в окно зашла ворона
За подачкой пищевой.
Не рифмуется корона
С этой черной нищетой.

Этот блеск и фанфаронство,
Страшный голос и портрет –
Лишь голодное воронство,
Что живет по триста лет.

Триста лет за пищу драться,,
Триста лет хватать куски –
Тут нельзя не каркнуть, братцы,
Не свихнуться от тоски.

Эта, может быть, ворона,
Что ворует со стола,
Знала, может быть, Ньютона,
Когда птенчиком была.

Но она не промышляет
Никакими интервью –
И глазищами стреляет,
Зная выгоду свою!

Снегопад

Леону Тоому

Снега выпадают и денно и ночью,
Стремятся на землю, дома огибая.
По городу бродят и денно и ночью
Я, черная птица, и ты, голубая.

Над Ригой шумят, шелестят снегопады,
Утопли дороги, недвижны трамваи.
Сидят на перилах чугунной ограды
Я, черная птица, и ты, голубая.

В тумане, как в бане из вопля Феллини,
Плывут воспарения ада и рая,
Стирая реалии лиц и линий,
Я - черная птица, а ты - голубая.

Согласно прогнозу последних известий,
Неделю нам жить, во снегах утопая.
А в городе вести: скитаются вместе
Та, черная птица, и та, голубая.

Две птицы скитаются в зарослях белых,
Высокие горла в снегу выгибая.
Две птицы молчащих. Наверное, беглых!
Я - черная птица, а ты - голубая.

Качаются лампочки сторожевые,
Качаются дворники, снег выгребая.
Молчащие, беглые, полуживые,
Я - черная птица, и ты, голубая.

Снега, снегопады, великие снеги!
По самые горла в снегу утопая,
Бежали и бродят - ах, в кои-то веки -
Та, черная птица, и та, голубая.

Мотив

Сквозь облака просачиваться стала
Ночная мгла, сливаясь над строкой.
Душа трудиться за день так устала,
Что трет мои глаза своей рукой.

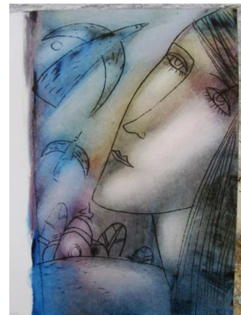
Но стоит мне замкнуть глаза покорно
И ей в угоду распластаться всласть,
Как в тот же миг искусно и проворно
Она узоры начинает прясть.

И не посмей проспать ее работы
И волокон, струящих дальний свет!
Как музыкант с листа читает ноты,
Прочтешь и ты мотив своих сует:

Теперь он твой, к утру с тобой проснется
И напоеет, насвищет сам себя.
Он, как ведро, вернулся из колодца,
Где так темна прозрачная судьба.

Иди сюда, привязывайся крепко,
Набей оскому, как любой мотив!
Ты отдираешь эту жизнь от слепка,
Одним рывком страданья прекратив.

Поэт родился не хулить, не славить
И не сверкать, как редкий минерал,
А умереть и жизнь свою оставить,
Как будто ни на миг не умирал.

Одуванчик

Как во сне, в тишине раскаленной,
Оглянувшись на землю родную,
Одуванчик из бездны зеленой
Полетел, не дыша, в голубую.

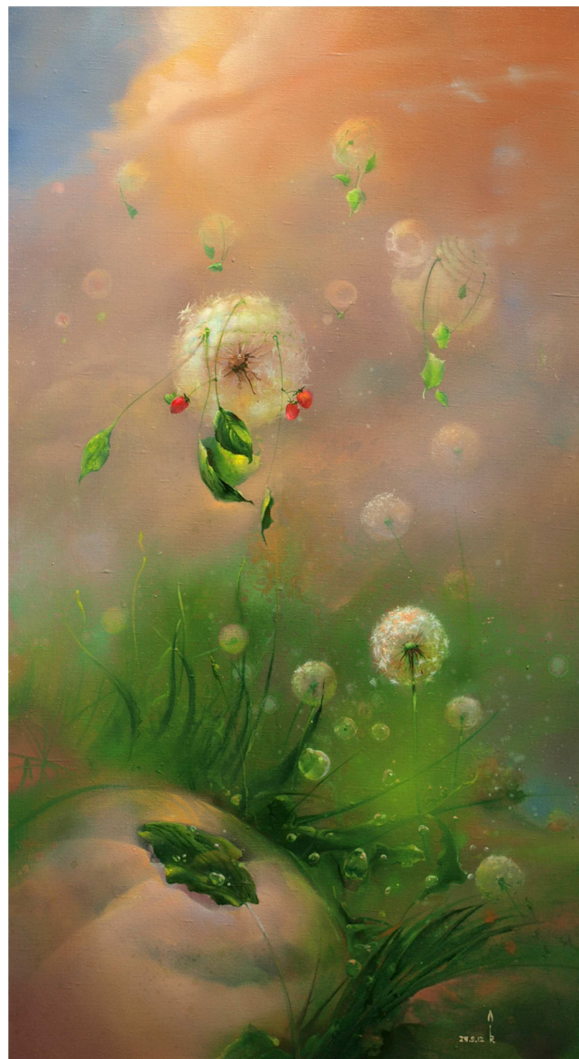
Подхватили его, укачали
Ветры ясные и дождевые.
Было жутко и дико вначале -
Ведь казалось, что это впервые!

Но душа, несомненно, крылата,-
И летел он все выше и выше,
Вспоминая, что где-то когда-то
Это все уже видел и слышал.

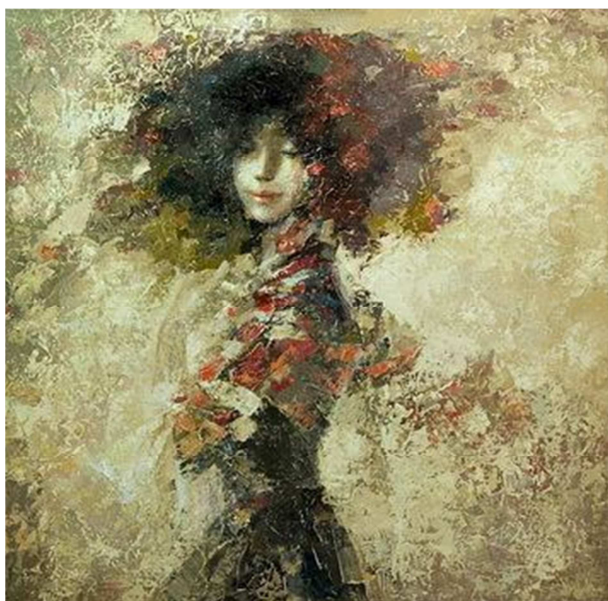
Он всегда это знал за собою,
Совершал этот путь многократно:
Из зеленого - в голубое,
И обратно, туда - и обратно!

Все он вспомнил душой окрыленной
И узнал голубую дорогу,-
Одуванчик из бездны зеленой,
Он летит к одуванчику-богу.

Тот спасет его душу отныне,
Воскресит его семя в пустыне,
В путь разбудит, в зеленый, обратный:
- Узнаешь ли,- он спросит,- мой сыне,
Переход этот в зелень из сини?
- Да, отец, да, мой бог благодатный,
Одуванчиков свет необъятный!

Трудно светиться и петь нелегко

Трудно светиться и петь нелегко.
Там, где черемухи светятся пышно,
Там, где пичужки поют высоко,
Кратенький век проживая бескрышно,-
Только и видно, только и слышно:
Трудно светиться и петь нелегко.
Если задумаешь в дом возвратиться,
Или уйти далеко-далеко,
В самую низкую бездну скатиться
Или на самую высь взгромоздиться,-
Всюду, куда бы тебя ни влекло,
Петь не легко там и трудно светиться,
Трудно светиться и петь нелегко.

Побыть одной - совсем не преступленье,
Но подлый, оскорбительный порыв,
А голые холодные ступени,
Где посидеть хочу, глаза закрыв.

Еще кого-то брать с собой нелепо -
Куда? зачем? для радости какой?
В такие дни душа темнее склепа
И душит гостя каменной тоской.

Я вас возьму с собой в другое время,
Где все искриться будет и цвести!
Нельзя ни с кем, тем более со всеми,
Закрыв глаза, сверлить свои пути.

Уж я ни черный грех от вас ни скрою,
Ни страшный вид не спрячу в дивный шлем, -
Позвольте мне для этого порою
Себя казнить - не с вами и ни с кем!

Ни с кем нельзя, тем более со всеми,
Закрыв глаза, узнать свое лицо,
Лицо души, закрытое, как семя
В солончаках, где жилы и мясо.

Побыть одной! Очнуться, как в дороге,
Где поезд встал и столько беготни,
Как будто, спрыгнув, разминают ноги
Все те, кто вечность пробыли одни.

Следить за болью уходящей... Замереть.
И на нее сквозь череп свой смотреть
в затылок, где пора бы анальгину
уменьшить эту боль наполовину,
потом на треть - и след ее стереть!
Но тикает, как часики во тьме,
она в какой-то раскаленной точке,
и этот звук, подобно гулкой бочке,
в моем бессонном катится уме,
где восстают живыми из могил
былые муки, пытки, поражения, -
и так велик источник этих сил,
что боль кончается -путем самосожженья.

Не потрошить, а только заглянуть бы
В живой цветок среди живых полей,-
И нам поэзия предсказывает судьбы
Планет и межпланетных кораблей.

Не тронуть пальцем, лишь коснуться взором
Огнистых звезд, блуждающих во мгле,-
И нам стихи пророчат стройным хором
Все то, чего не миновать земле.

Не лезть руками в душу, а веками
Вокруг нее лишь гнезда вить свои,-
И нас поэзия обнимет облаками
Своей неисчерпаемой любви.

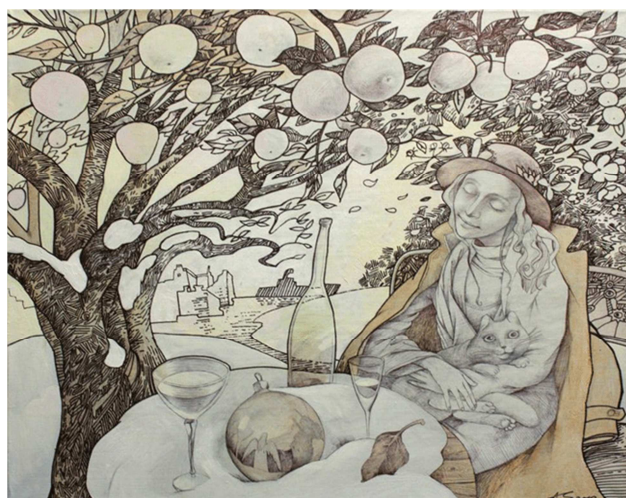
Не потрошить, а только заглянуть бы.
Не тронуть пальцем, лишь коснуться взором.
Не лезть руками в душу, а веками
Вокруг нее лишь гнезда вить свои.

И нам поэзия предсказывает судьбы.
И нам стихи пророчат стройным хором.
И нас поэзия обнимет облаками
Своей неисчерпаемой любви.

Элегия

Хотелось бы остаток лет
прожить вдали от пошлых бед,
и людоедских процветаний,
и от художественных скук
в малине круговых порук,
в притоне творческих братаний
на политических пирах,
где только выгода и страх
толкают судеб вагонетки...
Дай Бог, от этого вдали
прожить хоть на краю земли,
бросая в океан любви
свои последние монетки.

МАРТ В ТАРТУ

Отбросим ветку от окна
И выглянем наружу,
А там увидим, как весна
Перемогает стужу.

Сугробы вянут на глазах,
И сад шалит каплейю,
А только день тому назад
Исхлестан был метелью.

Казалось, это - навсегда,
Как римское изгнание,
А вот прошло - и ни следа,
Одно воспоминание.

В камине скука сожжена,
Как черновик негодный.
Душа прекрасно сложена -
Как раз чтоб стать свободной.

И все овеять и назвать
Своими именами,
И прутья в чашке целовать,
И сочетаться с нами.

Так много дней
среди теней
нездешней белизны,
среди огней,
где всех бедней
старьевщик новизны,
что по утрам,
по вечерам,
как ветер по дворам,
поет в проем:
"Старье берем!" -
и ловит новый хлам,
и свой улов
поверх голов
перебирает там,
где вечно свежей новизной
нам остается лишь сквозной
мотив - тирим-пам-пам,
ля-ля, тирим-пам-пам!..

О жизни, о жизни - и только о ней

О жизни, о жизни - о чем же другом?-

Поёт до упаду поэт.

Ведь нет ничего, кроме жизни кругом,

Да-да, чего нет - того нет!

О жизни, о жизни - о, чтоб мне сгореть!-

О ней до скончания дней!

Ведь не на что больше поэту смотреть -

Всех доводов этот сильней!

О жизни, о ней лишь,- да что говорить!

Не надо над жизнью парить?

Но если задуматься, можно сдуреть -

Ведь не над чем больше парить!

О жизни, где нам суждено обитать!

Не надо над жизнью витать?

Когда не поэты, то кто же на это

Согласен - парить и витать?

О жизни, о жизни - о чем же другом?

Поет до упаду поэт.

Ведь нет ничего, кроме жизни, кругом,

Да-да, чего нет - того нет!

О жизни, голубчик, сомненья рассей:

Поэт - не такой фарисей!

О жизни, голубчик, твоей и своей.

И вообще обо всей!

О жизни,- о ней лишь! а если порой

Он роется: что же за ней?-

Так ты ему яму, голубчик, не рой,

От злости к нему не черней,

А будь благодарен поэту, как я,

Что участь его - не твоя:

За штормами жизни - такие края,

Где нету поэту житья!

Но только о жизни, о жизни - заметь!-

Поэт до упаду поет.

А это, голубчик, ведь надо уметь -

Не каждому бог и дает!

А это, голубчик, ведь надо иметь,

Да-да, чего нет - того нет!

О жизни, о ней, не ломая комедь,

Поет до упаду поэт.

О жизни, о жизни - и только о ней,

О ней, до скончания дней!

Ведь не на что больше поэту смотреть,

И не над чем больше парить!

Стихи Юнны Мориц взяты из сборников:

«Избранное». Сов. пис., М., 1982.

«На этом берегу высоком». М., Современник. 1987.

«Не бывает напрасным прекрасное». М., «Эксмо», 2006 г.

Рисунки художников: Ю.Зисман, В.Куша, О.Шапкариной, Ю.Копани, Д.Кустановича, С.Ульяновой, Р.Величко, В.Рябчикова, Эмерико Имре Тота, А.Стешневой, Г.Кругленкова.

Отдел обслуживания художественной литературой (УНИЦ КНИТУ, Б-224)